

С. А. МАЛАХОВ
Ю. К. БУСЕЛ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СРЕДА КАК ПРОТОТИП НОВОЙ ГОРОДСКОЙ ТИПОЛОГИИ

HISTORICAL ENVIRONMENT
AS A PROTOTYPE OF A NEW URBAN TYPOLOGY

Рассматриваются предпосылки перехода от типологии высотной жилой застройки спальных микрорайонов, удаленных от эпицентров городской активности, к типологии смешанного функционального назначения, интерпретирующей морфологические и символические коды исторического наследия мегаполиса. Критика модернистской стратегии среды базируется на понимании функционального зонирования как чрезмерно жесткой модели города, в то время как историческая среда с ее иерархической структурой пространства и парцелляцией на дворы и кварталы предоставляет возможность фрактальной организации соседских сообществ и самоуправления. В статье выдвигается гипотеза возможной трансляции кодов исторической среды в основание современной типологии компактной застройки, сохраняющей гуманный масштаб среды и эффективный размер соседств.

Ключевые слова: кризис модернистской стратегии высотной застройки периферии, городские соседства, уроки исторического наследия, поиск новой жилой типологии

Происхождение и кризис модернистской стратегии градостроительства

Модернистская стратегия градостроительства, восходящая к концепциям утопистов, начиная с Оуэна, Гарнье и дальше – проектов «Лучезарного города» Ле Корбюзье и образованного им СИАМ, была подвергнута существенной ревизии и достаточно жесткой критике, в основном в западной градостроительной методологии, начиная с конца 50-х гг. XX столетия. В России принципы микрорайонной застройки, наследующие заповеди СИАМ, последовательно вытеснялись в новую постсоветскую эпоху простыми моделями рентной экономики, в основном ориентированной на получение прибыли с территории, а не на создание среды, гуманной по отношению к горожанину [1].

Происхождение модернистской модели города во многом ассоциируется с градостроительными концепциями Ле Корбюзье (и его

The prerequisites of transition from the typology of high-rise residential development of dormitory districts, remote from the epicenter of urban activity, to the typology of mixed functionality, interpreting the morphological and symbolic codes of the metropolis historical heritage are considered. The criticism of modernist strategy is based on the understanding of functional zoning as an excessively rigid model of the city. The historic environment with its hierarchical structure of space and parcellation into yards and blocks provides an opportunity for fractal organization of neighborhoods and self-government. The article hypothesizes possible translation of the codes of historic environment into the basis of modern typology of compact buildings, preserving human scale of environment and effective size of neighborhoods.

Keywords: crisis of modernist strategy of high-rise development of periphery, urban neighborhoods, lessons of historical heritage, the search for a new residential typology

«принципами современной архитектуры»), представлявшим себе город как некий «правильно спланированный» интеллектуальный продукт, вези проинизанный привнесенной извне заботой о горожанах. Контент этой заботы определялся социалистическими представлениями о коллективном благополучии, но на практике, как выяснилось в дальнейшем, представлял собою вызов органичному, естественному и поэтому максимально эффективному развитию города.

Исторически объективной причиной подобной стратегии явились фатальные процессы роста населения городов, обусловленные индустриализацией. Соответственно разнообразие и естественность сложившегося города потребовали экстренной замены на что-то более понятное. «Понятное» провоцировало потребность в схематизации и упрощении. Массовая застройка на основе типовых проектов явилась искомым ответом, плоды которого города пожинают до настоящего времени.

Таким образом, формирование новой городской стратегии в начале и в середине XX в. происходило в виде опровержения невнятной и ущербной, на взгляд модернистов, конструкции исторически сложившегося города через одновременную адаптацию идей, связанных с жизнестроительной картиной благополучной среды и реальными обстоятельствами кризиса в сфере транспорта и массового жилья.

Во Франции предшественником идей Корбюзье был архитектор Тони Гарнье. В 1904 г. он предложил проект «Промышленного города» на 35000 жителей, основанный на разделении по функции всей территории города по функциональному признаку, – один из самых ранних проектов, подчиненных идее зонирования (рис. 1).

Рис. 1. Схема зонирования «Промышленного города» Гарнье, 1904

Эволюция стратегии, разрабатываемой Ле Корбюзье, складывалась по пути от эпатажирующих общественность предложений («План современного города с тремя миллионами жителей», 1922; «План Вуазен», 1925) до попыток организации коллективной экспертизы стратегии на основе созданного сообщества CIAM (рис. 2).

В отличие от проектов предшественников, идея Корбюзье заключалась в числе прочих инноваций в сочетании городской среды и природы. Он считал наилучшим выходом из кризиса больших городов предельную концентрацию людей в домах-башнях, разделенных зелеными пространствами. Его идею можно охарактеризовать как попытку соединить морфологию пространства субурбии и городского ядра, что вылилось в формообразование в виде «башен в парке». «Мы должны увеличивать открытые пространства и сокращать расстояния, которые необходимо преодолевать. Таким образом, центр города следует строить вертикально», – писал он. Современный город Ле Корбюзье не был построен, но укрепил его репутацию радикала и архитектора-утописта.

В 1930 г. Ле Корбюзье разработал похожий план переустройства Москвы. Назывался он «Лучезарный город» и был показан в Брюсселе в 1933 г. Реализации не последовало. Однако его идеи попали на благодатную почву: в стране ощущалась серьезная нехватка жилья вследствие переселения большого количества людей в города, низких темпов строительства и сложностей в практической реализации проектов отечественных архитекторов авангардных течений.

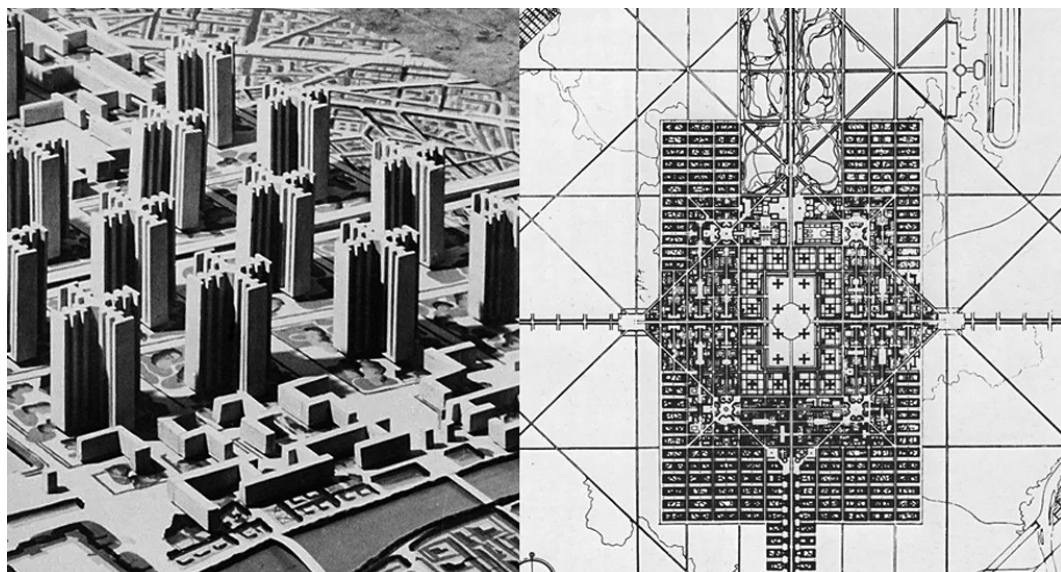

Рис.2. Проект Ле Корбюзье «План Вуазен», 1925 г.

Идеология всеобщего равенства, идеи переустройства бытового уклада жизни, повышение гигиенических условий проживания «граждан нового советского государства» стали причиной появления нового архитектурного направления – конструктивизма, однако реализация его основных установок предполагала по-прежнему индивидуальное проектирование, высокие затраты технических и материальных ресурсов и достаточно длительные сроки строительства.

В то же самое время основные доктрины Корбюзье хорошо сочетались с максимальной индустриализацией и типизированием возводимого продукта. Идеологически концепция поддерживала идею равенства. Каждому человеку стали доступны « типовые » бытовые блага, одинаковый доступ к свежему воздуху и солнечному свету. Полупустынные « двory » между домами транслировали идею « общего » пространства без деления на частные участки, хозяйственное и бытовое обслуживание концентрировалось в своеобразные кластеры, в отрыве от жилой зоны, первые этажи зданий подчеркнуто массово не имели коммерческих площадей и технических условий для возникновения малого бизнеса, так как такого запроса просто

не существовало, за исключением бюджетных объектов по удовлетворению минимальных потребностей. В этом разграничении отчетливо видна модель модернистского микрорайона, главной особенностью которой является жесткое зонирование, государственное распределение и планирование « сверху вниз ».

Параллельно с разработкой множества планов переустройства городов, таких как Москва, Стокгольм, Немур, Богота, Измир, в 1928 г. Ле Корбюзье собрал 27 архитекторов-модернистов и основал Международный конгресс архитектуры – CIAM. Придерживаясь программы Корбюзье, архитекторы сформулировали концепцию разделения города на зоны: жилую, рабочую, рекреационную и транспортную и приняли ее как основополагающую. Принципы функционального зонирования озвучены в « Афинской хартии » и легли в основу взглядов всего архитектурного течения эпохи модернизма.

В Советском Союзе идеи « Афинской Хартии » получили редуцированный и одновременно оптимизированный образ системы расселения и массового типового строительства в городах на основе т.н. трехступенчатого обслуживания населения микрорайонов (рис. 3, 4).

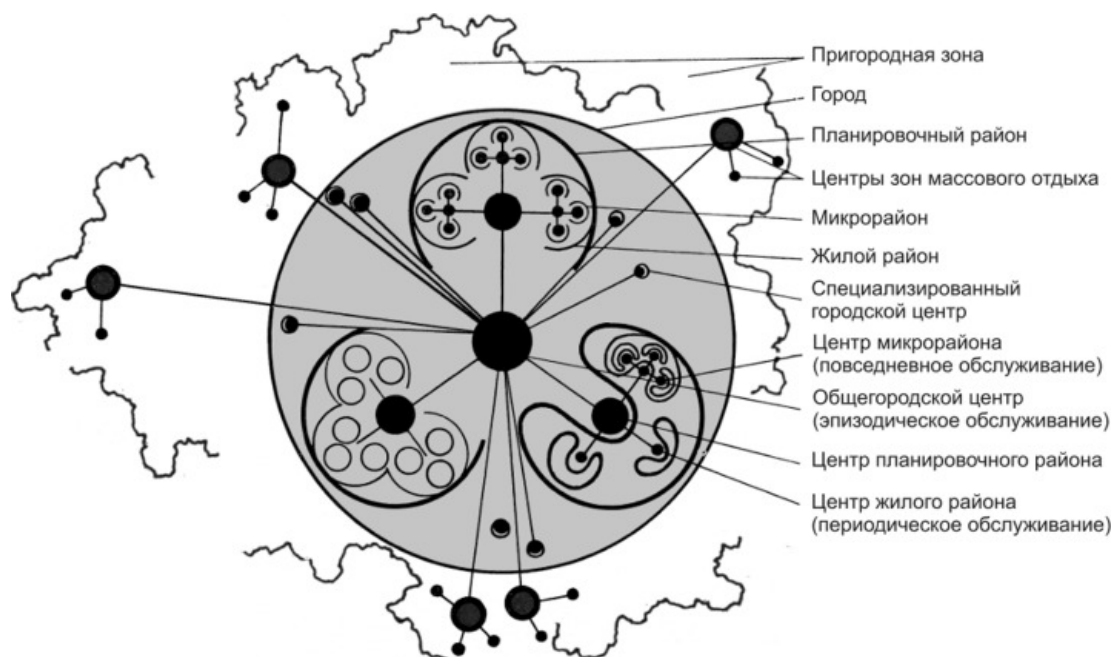

Рис. 3. Схема трехступенчатого обслуживания в масштабе города СССР, начало 60-х годов¹

¹ На данный момент в России используется документ «Правила землепользования и застройки», основанный на принципах функционального зонирования территории. Однако такой подход стал одним из ключевых факторов негативного развития городов и целого ряда последствий, снижающих комфорт и качество жилой среды: «расползание» городов и образование пригородов, увеличивающих нагрузку на инфраструктуру; увеличение нагрузки на транспортные сети, ухудшение экологической обстановки вследствие роста числа личного автотранспорта; и даже экономической и этнической сегрегации городского населения.

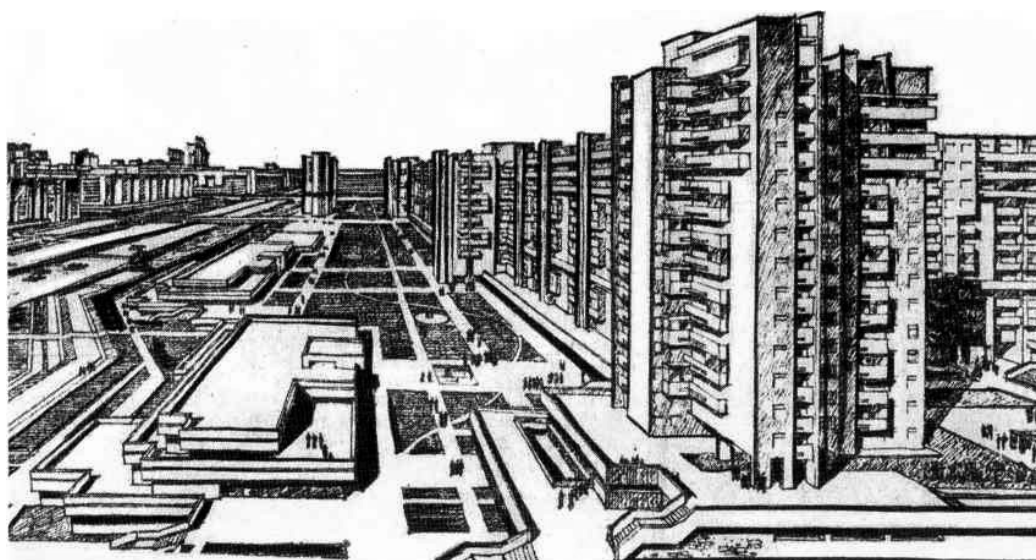

Рис. 4. Проект застройки микрорайона в Новосибирске, 1968. Оптимистичный образ городского пространства, ассоциирующийся с проектом «Лучезарного города» Ле Корбюзье

Критика микрорайонов

Со временем, однако, стало понятно, что микрорайонная типовая застройка не отвечает требованиям городской среды нового типа пост-пост-индустриального города. Если говорить о массовой периферийной застройке крупных городов, «микрорайонный морфо-

тип» застройки обусловил возникновение целого ряда факторов, негативно влияющих на качество городской среды: параметрически объемы зданий не соответствовали человеческому масштабу, высота и слабая связь между отдельными зданиями в пространстве порождали чувство запустения и отсутствия психологического комфорта (рис. 5).

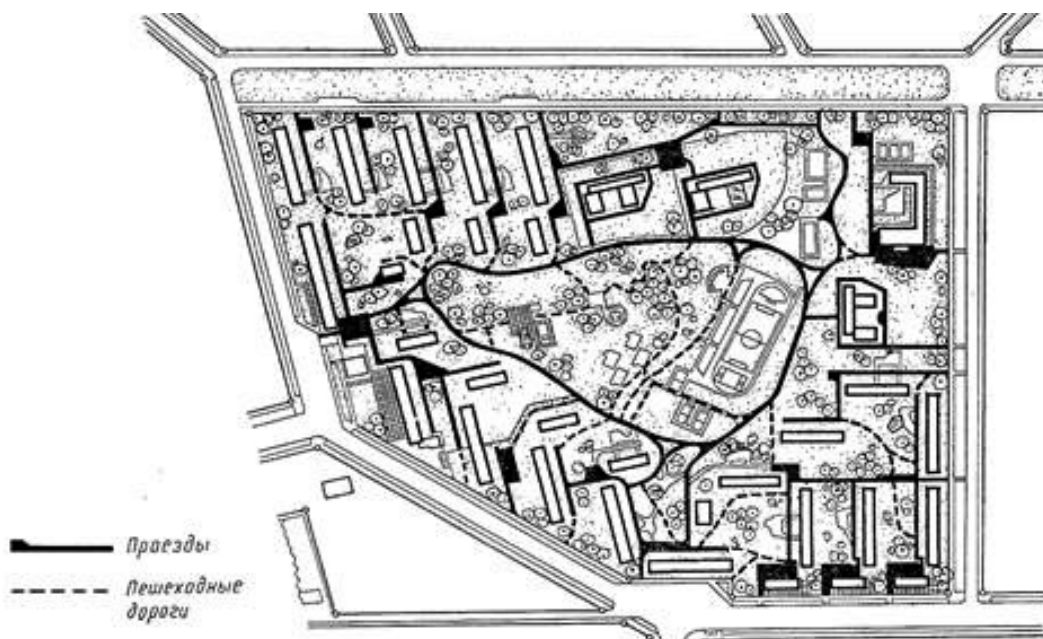

Рис. 5. План советского микрорайона с типовой застройкой, обобществленным пространством, локальным центром и магистральным автомобильным движением по периметру внешних границ. Городской образ жизни дезавуирован, застройка не предполагает уличной активности, весь жизненный сценарий сводится к замкнутому семейному быту

Общая картина складывается таким образом, что микрорайон оказывается в условиях низкого обеспечения предприятиями малого бизнеса. С одной стороны, рентабельность таких предприятий низкая за счет малого пешеходного трафика, разреженности и маятниковой интенсивности пешеходных потоков, а с другой – в связи с отсутствием подходящих для ведения торговли и обслуживания населения помещений коммерческого назначения. Кроме того, ввиду отсутствия мест приложения труда, а также культурно-зрелищных объектов значительно повышается нагрузка на уличную сеть, и без того представленную лишь несколькими автомобильными дорогами, чаще всего – обрамляющими микрорайон (эффект маятниковой миграции) и выходящими на общегородскую магистраль, ведущую в центр города.

Наконец, в микрорайоне не возникают успешные социальные связи между людьми: жители отчуждены по отношению к друг другу и среде своего проживания. Микрорайоны не предусматривали межвания внутренней территории на участки, сомасштабные эффективному размеру соседств, не говоря уже о существовании небольших частных пространств, способствующих проявлению индивидуальной инициативы. Благоустройство и централизованное обслуживание рассматривались как главные инструменты благополучного быта. Городу как многофункциональному феномену был противопоставлен схематичный проект, где человеку было предписано довольствоваться ниспосланным сверху благом. Само по себе благоустройство сводилось к озеленению и типовым детским площадкам. Во многих микрорайонах провинциальных городов общественное пространство довольно быстро деградировало и превратилось в пространство полного отчуждения (рис. 6).

Рис. 6. Метаморфозы общественного пространства микрорайона: деградировавшее благоустройство – свидетельство разобщенности жителей и минимизации государственного и муниципального финансирования

Вытеснение микрорайона коммерческой сверхплотной застройкой. Возникновение периферийных городских «человейников»

Современная история постиндустриального города во многом обусловлена отказом от государственного планирования и переходом к коммерческому освоению территории. Перемена экономической платформы существенным образом повлияла на сохранение изначальной концепции микрорайона как территории с умеренной ориентацией на идею «Лучезарного города» с его избытком солнца и зеленых массивов, с достаточным уровнем обеспечения дошкольным и школьным обслуживанием. Да, микрорайон не был городом, но его изначальные ценности как социальной стратегии до сих пор ставятся в заслугу архитекторам и доктринам социалистического толка.

Переход к рыночной экономике в отечественной практике городского строительства, к сожалению, усугубил участь спальных районов и еще больше разделил население на элиту и трудовые ресурсы. Высотная застройка, практикуемая в современных мегаполисах, обладает ярко выраженными качествами рыночного фальсификата: характеристики среды, необходимые для комфортной жизни, здесь вытеснены элементами, работающими на уровне поверхностной мотивации потребителя. В появившихся во множестве периферийных жилых комплексах, уплотнивших прежние микрорайоны или пришедших им на смену, все выстроено таким образом, что, покупая квартиру в высотном доме, человек как бы подписывает соглашение, допускающее его пребывание внутри квартиры в состоянии пассивной, максимально изолированной от сообщества единицы. Но к уже закрепленному императиву самоизоляции в новых высотных комплексах добавлены такие характеристики проекта, которые уничтожают немногие ключевые позитивные элементы и принципы микрорайонов, а именно: солнце, зелень и простор пустырей. Зато внутри максимально стесненных дворовых территорий появился и закрепился в господствующей позиции новый тип обитателя, а именно – личный автомобиль (рис. 7).

Итогом такого способа расселения людей становится специфический тип кризиса, проявляющийся в постепенном сворачивании городской системы и города как многополярного и многофункционального образования. Городской образ жизни – это не метафора, а формула инвариантной модели города. Поэтому возникает закономерный вопрос, какими средствами архитектурного моделирования

Рис. 7. Москва. Современный жилой комплекс в Орехово-Борисово

может быть переформулирована концепция многоэтажной периферийной застройки, с тем чтобы сложилась городская типология, мотивирующая образование городских соседств, а соответственно – городского образа жизни.

Проблема воссоздания локальных городских сообществ

Становится все более ясным, что город – это прежде всего возможность соорганизации жителей определенной локальности, обладающей признаками полиса: ясными границами места, соответствующей морфологией пространства, самоуправлением, культурной событийностью, возможностью вести экономическую деятельность на территории. Центральным элементом городского образа жизни и в этом смысле – естественной стратегии эффективности города – является community, соседство горожан-субъектов, вступающих в отношения друг с другом во имя коллективных ценностей и устойчивого развития.

В современном обществе соседские связи становятся важным социальным процессом, выходят за рамки всех сфер и проявляются во всех социокультурных практиках. Соседство и соседские контакты остаются и в наши дни важным аспектом человеческой жизни. В этой связи в мае 2015 г. было произведено социологическое исследование в городе Кургане на тему: «Соседские сообщества как пример социальной коммуникации (на примере домов товарищества собственников жилья г. Кургана)». Интерес, в частности, представляют ответы на вопрос: «Как вы считаете, нужно ли поддерживать хорошие/дружеские отношения с соседями?» Респонденты считают, что поддерживать дружеские отношения важно – это неотъемлемая часть соседства, да и в целом социума. Соседская дружность – это отношения без каких-либо вза-

имных обязательств; это скорее приятельские отношения с акцентом на взаимную пользу [2]. Частота общения с соседями высокая, особенно по лестничной площадке или с соседями, у которых есть дети дошкольного и младшего школьного возраста. Соседство – это как обычная среда повседневной жизни, люди общаются друг с другом, имея общие интересы, ценности, а также территориальную привязку.

Несмотря на большое количество и разнородность определений саморегулирования местного уровня, в основе всех заложена идея, что жильцы конкретных участков жилой среды зачастую лучше, чем государственные структуры, знает о проблемах локального уровня и может их решить. Тем самым оно может повысить уровень жилой среды самостоятельно. Соседская община является одним из эффективных институтов в сфере местного самоуправления. Кроме того, такой формат саморегуляции оказывает влияние на детей. Дети в соседской общине получают действенный механизм, формирующий должный уровень гражданской культуры. А. Хантер определил соседство «как уникально сцепленные звенья социально-пространственной организации, на которые воздействуют силы и институты огромного общества и рутина каждодневной жизни» [3].

В ходе исследования соседских сообществ в городе Ярославле выявлено, что наиболее распространённой «технологией» для решения бытовых и конфликтных вопросов являются прямые переговоры (67 % респондентов) и общие собрания жильцов (68 % ответов). Таким образом, сделан вывод, что соседские сообщества способствуют созданию условий для социальной интеграции жителей. Между тем важной составляющей для формирования соседского сообщества являются пространственные характеристики жилой среды. Так, в типовой застройке хрущёвской и брежневской эпох формирование специфической коллективности резидентов признается недостижимым (в опросе 1982 г. 60 % жителей многоэтажных домов в Москве вообще не общались со своими соседями).

Согласно Р. Сэмпсону, смешение жилых и коммерческих строений, насыщенность квартала социальной и транспортной инфраструктурой, транзитные потоки пешеходов, местоположения этих объектов в ткани квартала способствуют возникновению позитивной интеграции жильцов и релевантны исследованиям социального поведения соседского сообщества.

Интерес представляют исследования эффективных соседских взаимосвязей как источника продуктивной и устойчивой городской среды в публикациях Евгении Репиной и Снежаны Грозовской (Лашенко) [4–7]. Образцовым

морфотипом для создания устойчивого соседства, основы городского образа жизни, как бы ни парадоксально это звучало, выступает паттерн традиционного двора (в данном случае – на примерах исторической среды Самары) с его специфической компактной организацией многоквартирного дома. В концепции С. Грозовской этот паттерн и морфотип был представлен в дискурсе такого понятия, как «городская деревня» [5].

Проблема, однако, заключается в том, чтобы найти ресурсы возобновления алгоритма перехода от небольших соседств, например дворовых, к последовательно увеличивающимся сообществам – на уровне кварталов и более крупных локальностей. Мы можем изучить этот алгоритм как социальную стратегию настоящего города, но какими могут быть прототипы новой современной архитектурной типологии, способной к возобновлению алгоритма этой стратегии? Какие морфотипы, обуславливающие реабилитацию небольшого соседства, могут быть приняты за основу новой гуманной стратегии города вместо прагматичной и однообразной стратегии ЖК?

Роль морфотипа и его ключевых характеристик в образовании гармоничной среды

Морфотипы среды позволяют упорядочить и поделить застройку на группы со схожими объемно-пространственными характеристиками. Они могут относиться к конкретному историческому периоду и имеют собственные характеристики, которые могут быть выражены в конкретных количественных параметрах. Например этажность, процент застройки территории, непрерывность уличного фронта.

Морфотип, как понятие отечественной теории градостроительного проектирования, ввели в обиход Алексей Гуннов и Вячеслав Глазычев в книге «Эволюция градостроительства» [7]. В Москве исследование типологии застройки было проведено Лидией Кожаевой.

Морфотип позволяет анализировать не отдельный объект застройки, а всю городскую среду в комплексе, так как здания и сооружения по отдельности городскую среду не формируют. Жилая среда города – это все же совокупность зданий и других городских объектов. Качество и комфортность среды во многом зависит от морфологии застройки; психологический комфорт, восприятие пространства, ощущение безопасности тесно связаны с объективными характеристиками среды. То есть, изучая сложившийся тип среды, мы можем выделить те характеристики, которые влияют на

результат позитивно и закладывают в новую застройку соответствующие параметры.

Кроме того, морфотипы необходимы для последующего изучения связи параметров застройки с процессами в городе: например с уровнем преступности или темпами развития малого и среднего бизнеса. Изучение морфотипов также может понадобиться для регулирования параметров новой застройки и для разработки строительных регламентов отдельных территорий.

Если исследуемая среда относится к исторической и культурно-ценной, исследование морфотипа может быть использовано для создания и разработки охранных зон для сохранения среды в целом, а не отдельных объектов. Анализируя морфотипы застройки, можно выделить не только ценные и положительные характеристики, но и негативные, тем самым прогнозировать негативное влияние проектных решений и разрабатывать средства их купирования.

Одним из факторов, оценивающих экономическую эффективность городской среды, является развитие стрит-ритейла. Для нормальной работы уличной торговли и развития малого бизнеса на территории необходимо, чтобы она была максимально приближена к пешеходным потокам. Поэтому наиболее благоприятные для развития предприятий торговли и услуг морфотипы среды будут те, где здания выстроены вдоль красной линии улицы с минимальным отступом. Такая среда характеризуется доступностью услуг и функциональным разнообразием. Качества подобного морфотипа застройки мы можем выявить в исторической и смешанной среде центральных районов многих городов с застройкой начала и середины XIX в. И наоборот – в микрорайонной разреженной застройке, где не сформирован непрерывный фронт застройки, просто нет пространственных и физических условий для развития предприятий малого бизнеса.

На чувства безопасности и защищенности также влияют параметры морфотипа застройки.

Замкнутость или физическое обрамление пространства является важным аспектом создания чувства безопасности среды. Для этого важны: степень замкнутости застройки и пропорции двора. Если высота здания пропорционально равна ширине дворового пространства или больше, в таких пространствах человек чувствует психологический комфорт. Ощущение безопасности также тесно связано с этажностью застройки. По достижению определенного уровня этажности у человека теряется визуальная связь с улицей, т. е. люди, находящиеся внутри дома, не смогут рассмотреть выше определенного этажа происходящее на улице. А люди, находящиеся на улице, не ощущают социального контроля [8].

Ключевыми характеристиками гармоничного морфотипа можно назвать следующие:

- Параметры земельных участков: регулярная квартальная система межевания участков застройки на небольшие парцеллы (подворья) повышает социальную, экономическую и транспортную эффективность городской ткани.

- Объемные параметры застройки: небольшая этажность и разнообразные соотношения открытых и застроенных участков создают со-масштабную человеку среду, которую горожане оценивают как комфортную и наполненную событийной интригой. Этажность и массивность зданий коррелирует с шириной улиц и тем самым не отчуждает застройку от общественного пространства улиц, создает условия для повышения уровня безопасности внутри застройки за счет социального контроля.

- Параметры уличного фронта: непрерывный уличный фронт создает благоприятные условия для развития предприятий малого бизнеса за счет повышения интенсивности пешеходного трафика.

- Параметры фасадов: фасады характеризуются обилием различных стилевых и декоративных приемов, что повышает визуальную разнообразность городской среды.

Паттерны исторической среды (ИС) как прототип городской типологии

Анализ исторической среды городов приводит к идентификации ряда типологических паттернов, разделяющих и одновременно связывающих их целостную материю в непрерывно изменяющийся феномен среды. Все эти текущие изменения в исторически устойчивых городских системах избавлены от катастрофических трансформаций, а наоборот – носят характер органичных микропроцессов, соответствующих масштабу малой и среднеэтажной застройки и, в первую очередь, ограниченному размеру исходных модулей этой среды: дома, двора, соседства.

Типологические паттерны исторической среды (ИС) – есть одновременно простые, но многозначные элементы системы. Морфологическая структура города, являясь не только формой, но и символической и функциональной программой, носит фрактальный характер: двор сформирован как микрогород (рис. 8, 9). В разных вариантах квартал играет роль города благодаря внутренней улице и часовне. Город, в свою очередь, разбивается на «концы», обладающие своей иерархической подоплекой: церковью, управой, площадью, каланчой².

² В статье С.В. Грозовской анализируется взаимосвязь морфологии исторических кварталов Самары и Тбилиси середины XX – начала XXI в. с практиками соци-

В такой системе становится понятным, где и как активизируются частные, а где – максимально публичные коммуникации. Ясно, что в этих паттернах, типология – не функциональная предрешенность, а следствие максимальной адаптации паттерна к текущим процессам локальности. Общим знаменателем эффектив-

Рис. 8. Самара. Внутреннее пространство двора в историческом квартале. Двор выступает как промежуточное общественное пространство между домом и улицей. Именно во дворе происходят встречи соседей и решаются вопросы совместного будущего. В сущности, дом и двор представляют неразрывное целое и могут быть сведены к понятию уникальной типологии «дом-двор»

ального взаимодействия их жителей. Для этого применяется концепция «городской деревни» («Urban village»), теория городской морфологии и теория фреймов. «Жители исторических центров Тбилиси и Самары фреймируют пространство дворов как частно-публичное, продолжающее дом/квартиру. Жители присваивают себе пространство двора, но в то же время разделяют его с соседями. Двор осмысливается резидентами как место коммуникации и взаимодействий, что обуславливает их практики совместного времяпрепровождения и общения. Приватные и публичные пространства в самарских дворах располагают к совместной деятельности, а публичные пространства в тбилисских дворах – к общению. Маркеры, благодаря которым жители фреймируют двор как частно-публичное пространство, – относительно небольшое число жителей; небольшой размер двора; наличие старожил; малая и/или средняя этажность; наличие старых домов. Для Тбилиси ещё очень важны галереи, террасы и балкончики, объединяющие обитателей нескольких квартир, плотная периметральная застройка, а для Самары – возможность фрагментации границ дворов. Чем большее число маркеров утрачивается, тем сильнее ослабляются практики совместных действий» (рис. 10, 11).

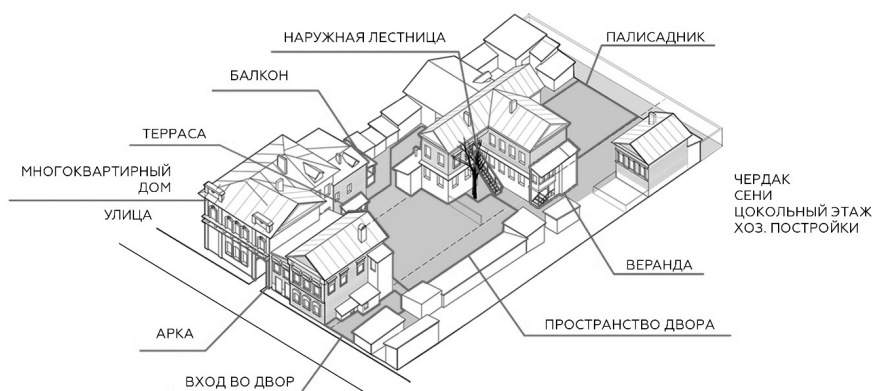

Рис. 9. Типологический паттерн и морфотип исторического двора на примере Самары

Рис. 10. Старые одесские дворы. Небольшая дистанция между противоположными сторонами двора позволяет сохранять чувство внутренней общности. Галереи, идущие по фасадам, создают дополнительное пространство приватности. Фактически двор напоминает городскую улицу или площадь, но целенаправленно ограничивает количественные параметры: размеры пространства, число и состав дворового сообщества

ности подобных исторических прототипов является их архитектурная гармоничность, сложность и многообразие языка, привлекательный образ искусства. Именно в силу названных свойств паттерны исторической среды: дом, двор, улица, квартал, перекресток, площадь, собор, берег, городские ворота и монумент – приобретают силу актуального прототипа гармоничной типологии будущих архитектурных и градостроительных инициатив [9].

Структурно-морфологические характеристики приведенных паттернов отличаются именно тем, что совпадают с приведенными выше наиболее эффективными свойствами морфотипов гармоничной среды: параметрами земельных участков, объемными параметрами, параметрами уличного фронта и параметрами фасадов. Параметры морфотипа ИС

Рис. 11. Тбилисский двор. Традиционные крытые террасы-галереи с декоративной аркадой – самая характерная особенность организации этого пространства – одновременного частного и соседского, коллективного

могут рассматриваться как количественные предпосылки для разработки современной типологии. Однако не меньшую роль играют конкретные архитектурные коды (форма двора, структура частного и общественного, символические элементы и зоны, разнообразие языков, элементы), культурные ритуалы («дворовой перформанс») со своими закрепляемыми ролями, социальная и пространственная гибкость (национальная и гендерная толерантность, саморазвитие, диалог, смена тактики, соинвестирование), экологическое равновесие и экономическая эффективность (развитие множества инициатив, горизонтальное сотрудничество территорий) (рис. 12, 13).

Не следует понимать, что разработка типологии, наследующей морфотип исторического двора, является задачей с простыми действиями. Есть несколько специфических факторов, которые необходимо оценивать как существенные и проблематичные. К ним можно отнести, прежде всего, принцип сплошной застройки кварталов-дворов, предполагающий примыкание домов друг к другу без разрывов, что вступает в противоречие с действующими нормами застройки. Вторым интригующим аспектом исторического морфотипа двора является то самое свойство, которое исторически способствовало сближению соседей и выработке толерантности и взаимодействия между ними,

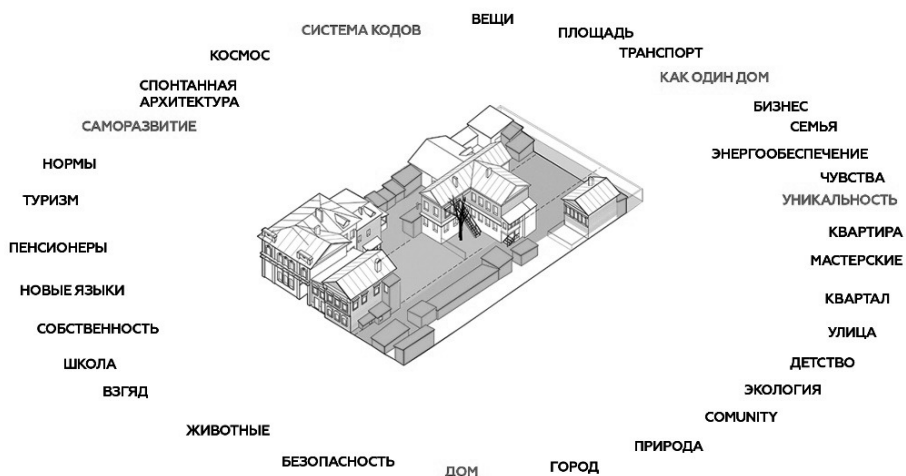

Рис. 12. Приоритеты двора как вероятного морфотипа новой типологии и генома устойчивой городской среды

САМАРСКИЙ КВАРТАЛ - УСТОЙЧИВОЕ СООБЩЕСТВО, ВОЗНИКАЮЩЕЕ КАК ОБЪЕДИНЕНИЕ НЕБОЛЬШИХ ДВОРОВЫХ СОСЕДСТВ.

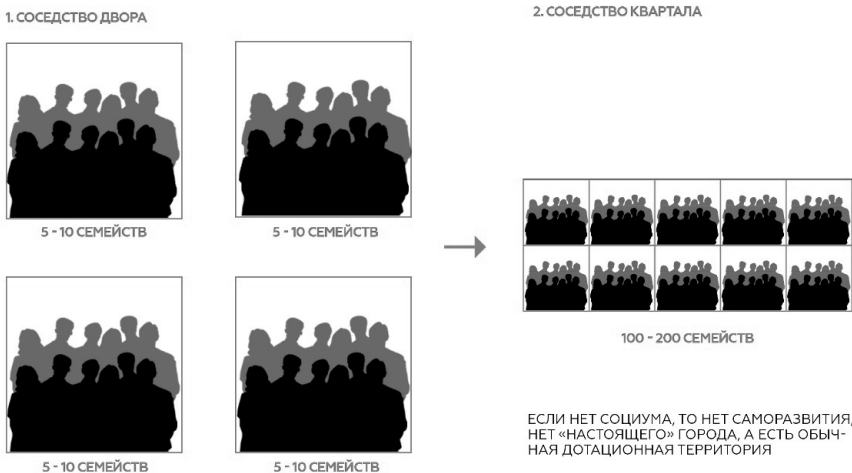

Рис. 13. Алгоритм последовательного образования городского сообщества

а именно – принцип обитания «окна в окна»; и третий немаловажный фактор – это недопустимость процессов саморазвития в существующих нормативных и проектных методологиях, в то время как именно саморазвитие застройки обеспечивало высокий уровень субъектности обитателей и их экономическую самостоятельность. Решению этих трех ключевых противоречий должен быть посвящен процесс последующего моделирования перспективной городской типологии (рис. 14).

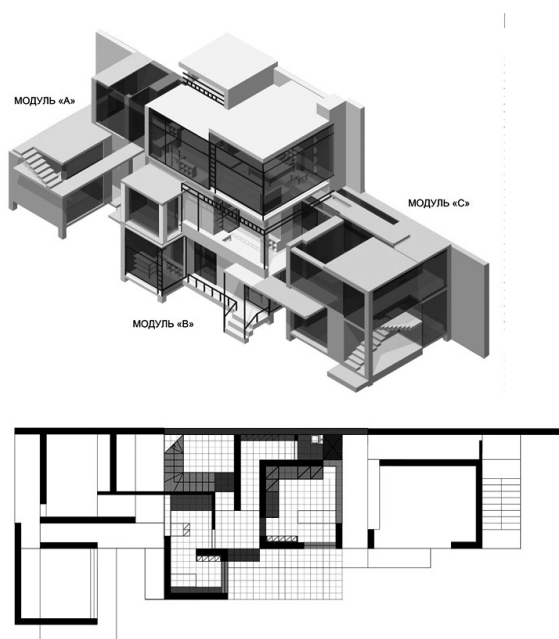

Рис. 14. «Дом-тетрис», экспериментальные разработки жилой типологии дома, вплотную примыкающего к границе парцеллы. Мастерская Малахова–Репиной, 2012 [10]

Выводы. 1. Возникновение актуального проблемного дискурса, связанного с модернистской стратегией «Лучезарного города» Корбюзье («Промышленного города» Гарнье), обусловлено попытками модернистов представить город как упрощенную модель функционалистского толка, ориентированную на идеалы утопии и социалистического метода общественной жизни и управления. Итогом внедрения этой стратегии на территории бывшего СССР стало внедрение т.н. «трехступенчатой системы обслуживания» и возведения городов на основе массовой типовой застройки микрорайонов.

2. На сегодняшний день кризисное состояние микрорайонной застройки большинства городов характеризуется малой экономической эффективностью данных территорий и, как следствие – перегрузкой транспортных се-

тей города за счет дневной маятниковой миграции населения, диффузным и стихийным характером расположения предприятий социально-бытового обслуживания населения, ростом преступности в силу слабого «социального» контроля и недостаточно развитых социальных связей между жителями.

3. Высотная застройка периферии мегаполиса – видоизмененная модель микрорайонной системы расселения в городах; сложившаяся в постсоветский период экономическая стратегия прогрессистской модели города как рыночного ресурса; возникающие повсеместно высотные жилые комплексы образуют периферийное городское кольцо жилых комплексов из однотипных квартир с чрезвычайно высокой плотностью застройки и отсутствием возможностей для образования локальных соседских связей, культурного обслуживания и продвижения стандартов городского образа жизни.

4. Анализ показывает, что принципиальным вектором оптимизации жилой среды городов прежде всего является воссоздание городских сообществ, начиная от небольших локальных соседств, максимально обеспечивающих толерантное взаимодействие горожан, сотрудничество и саморазвитие.

5. Осмысление города как феномена цивилизации и места концентрации культурных и социальных достижений предопределяет возникновение философских концепций проектного подхода к городскому пространству. Анализ морфологии городской ткани исторически сложившихся центров большинства городов выявляет определенные характеристики, которые в сумме делают городскую ткань высоко адаптивной к меняющимся обстоятельствам, и являются источником устойчивого развития городов. Смена стратегии городского развития от модернистской модели зонирования на синтез идентичных локальностей на основе выявленных средовых морфотипов позволяет сформулировать ряд принципиальных параметрических характеристик застройки, предопределяющих создание гармоничной жилой типологии будущего.

6. Ценность выявленных характеристик двора, как ключевого морфотипа исторической застройки, позволяет создать гипотетическую модель для обоснования и создания новой типологии городской среды. Двор в социальном понимании – малая ячейка общества, компактная территория общения и социальной гармонии. Именно взаимоотношение людей в нем является важным фактором восприятия пространства, порождая ощущение причастности и безопасности. Воспроизведение модели «исторического паттерна», как совокупности

выявленных положительных характеристик среды, повышает эффективность архитектурных типологических разработок по сохранению и адаптации новых объектов строительства как в сложившихся районах, так и на вновь застраиваемых территориях.

7. Принципиальные границы поискового пространства в разработке новой типологической модели, а также ее контент будут, в первую очередь, определяться на пути переосмысления действующих нормативов, препятствующих созданию компактной малоэтажной и среднеэтажной застройки многофункционального типа, объединяющей небольшие соседства горожан вокруг внутренних ограниченных по площади коллективных пространств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Малахов С., Репина Е. Актуальная органическая архитектура // Проект Байкал. 2022. №2. С. 20–29.
2. Большаков В.П., Новицкая Л.Ф., Особенности культуры в ее историческом развитии. Великий Новгород, 2000. 120 с.
3. Вагин В.В. Городская социология. М., 2000. 200 с.
4. Лашенко С.В., Репина Е.А., Грозовский Б.В. Как регенерировать историческую среду российских городов: инструменты соучастия и регулирования // Innovative Project. Самара, 2018. Т3, №9. С. 40–52.
5. Грозовская С.В. Городская морфология исторических центров Самары и Тбилиси и практики социального взаимодействия жителей // Вестник антропологии. 2022. № 1. С. 84–103.
6. Самарский двор / Й. Шиманн, О. Вейерс, Л. Арарипе Рэнд, Е. Репина, С. Малахов, А. Гниломедов. TATLIN, 2020. 448 с.
7. Лашенко С.В. «Городская деревня» («Urban village») как форма обитания в исторических центрах больших городов // Градостроительство и архитектура. 2020. Т. 10, № 3. С. 45–51. DOI: 10.17673/Vestnik.2020.03.7.
8. Джекобс Дж. Смерть и жизнь американских городов. М.: Новое изд-во, 2011. 100 с.
9. Малахов С.А., Бусел Ю.К. Двор как перспективная пространственная единица городской среды // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре: сборник статей 79-й Всероссийской научно-технической конференции СамГТУ. Самара, 2022. С. 200–212.
10. Малахов С.А. Возможность интерпретации композиционной модели как проектной. Опыт эксперимента на тему «Дом-Тетрис» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина». 2015. Т.2, №1. С. 40–49.
2. Bolshakov V.P., Novitskaya L.F. *Osobennosti kul'tury v ee istoricheskom razvitii* [Features of culture in its historical development]. Veliky Novgorod, 2000. 120 p.
3. Vagin V.V. *Gorodskaya sociologiya* [Urban sociology]. Moscow, 2000. 200 p.
4. Laschenko S.V., Repina E.A., Grozovsky B.V. How to regenerate the historical environment of Russian cities: instruments of complicity and regulation. Innovative Project, 2018, vol. 3, no. 9, pp. 40-52. (in Russian)
5. Grozovskaya S.V. Urban morphology of the historical centers of Samara and Tbilisi and the practice of social interaction of residents. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology], 2022, no 1, pp. 84-103. (in Russian)
6. Shimman Y., Veyyers O., Araripe Rend L., Repina E., Malakhov S., Gnilomedov A. *Samarskiy dvor* [The samarsky yard]. Yekaterinburg, TATLIN Publ., 2020. 448 p.
7. Lashchenko S.V. «Urban village» as a form of habitation in the historical centers of large cities. *Gradostroitel'stvo i arhitektura* [Urban Construction and Architecture], 2020, vol. 10, no. 3, pp. 45-51. (in Russian) DOI: 10.17673/Vestnik.2020.03.7.
8. Jacobs J. *Death and life of American cities*. Moscow, New Publishing House, 2011.
9. Malakhov S.A., Busel Yu.K. Yard as a promising spatial unit of the urban environment. *Tradicii i innovacii v stroitel'stve i arhitekture: sbornik statej 79-j Vserossijskoj nauchno-tekhnicheskoj konferencii SamGTU. Samara* [Traditions and innovations in construction and architecture: collection of articles of the 79th All-Russian Scientific and Technical Conference of SamSTU], Samara, 2022, pp. 200-212. (in Russian)
10. Malakhov S.A. The possibility of interpreting a composite model as a design one. Experiment experience on the topic «House-Tetris». *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin], 2015, vol .2, no. 1, pp. 40-49. (in Russian)

REFERENCES

1. Malakhov S., Repina E. Actual organic architecture. *Proekt Bajkal* [Project Baikal], 2022, no. 2, 2022, pp. 20-29. (in Russian)

Об авторах:

МАЛАХОВ Сергей Алексеевич

доктор архитектуры, профессор, профессор кафедры основ архитектуры и художественных коммуникаций Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
Институт строительства и архитектуры
129337, Россия, г. Москва, Ярославское шоссе, 26
профессор кафедры инновационного проектирования Самарский государственный технический университет
Академия строительства и архитектуры
443100, Россия, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244
E-mail: s_a_malahov@mail.ru

MALAKHOV Sergey A.

Doctor of architecture, Professor of the Architecture and Artistic Communications Chair
National Research Moscow State University of Civil Engineering
Institute of Construction and Architecture
129337, Russia, Moscow, Yaroslavskoye hw, 26;
Professor of the Innovative Design Chair
Samara State Technical University
443100, Russia, Samara, Molodogvardeyskaya str., 244
E-mail: s_a_malahov@mail.ru

БУСЕЛ Юлия Константиновна

аспирант кафедры основ архитектуры и художественных коммуникаций Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
Институт строительства и архитектуры
129337, Россия, г. Москва, Ярославское шоссе, 26

BUSEL Yulia K.

Postgraduate Student of the Fundamentals of Architecture and Artistic Communications Chair
National Research Moscow State University of Civil Engineering
Institute of Construction and Architecture
129337, Russia, Moscow, Yaroslavskoe highway, 26

Для цитирования: Малахов С. А., Бусел Ю. К. Историческая среда как прототип новой городской типологии // Градостроительство и архитектура. 2022. Т. 12, № 4. С. 129–141. DOI: 10.17673/Vestnik.2022.04.16.
For citation: Malakhon S.A., Busel Yu.K. Historical Environment as a Prototype of a New Urban Typology. *Gradostroitel'stvo i arhitektura* [Urban Construction and Architecture], 2022, vol. 12, no. 4, pp. 129–141. (in Russian) DOI: 10.17673/Vestnik.2022.04.16.